

Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

виться черезъ Нѣманъ безъ единаго выстрѣла. Далѣе, для плана Пфуля было существенно необходимо, чтобы вторая армія, направленная во флангъ и тылъ Наполеона, обладала достаточными размѣрами, для самостоятельныхъ дѣйствій. Между тѣмъ, въ то время, какъ первая армія, сосредоточенная въ лагерѣ при Дриссѣ, заключала въ себѣ 110 — 120 тысячъ чело-вѣкъ, вторая армія князя Багратіона имѣла не болѣе 40 тысячъ штыковъ. Въ такомъ видѣ вторая армія была слабѣе двухъ Наполеоновскихъ корпусовъ; и ей ничего не оставалось, кромѣ поспѣшнаго отступленія въ глубь страны, впредь до соединенія съ первой арміей. Такое распредѣленіе силъ обезсмысливало въ корнѣ операционный планъ Пфуля, который врядъ ли можно объяснить естественной ограниченностью чело-вѣческаго предвидѣнія. Скорѣе здѣсь мы видимъ образчикъ перевѣса придворныхъ соображеній надъ воен-ными. При первой арміи былъ Императоръ Александръ, она должна была закрывать дорогу въ Петербургъ, если бы Наполеонъ избралъ это направленіе — при-чины слишкомъ достаточныя, чтобы въ рукахъ Бар-

клая сосредоточить втрое болѣе войска, чѣмъ у Багратіона.

Однако Наполеонъ не пошелъ этой дорогой, такъ какъ завладѣть Петербургомъ совсѣмъ не входило въ его планы—походъ вдоль береговъ Балтійскаго моря все время подставлялъ бы его лѣвый флангъ подъ удары англичанъ и шведовъ. Да и обладаніе административнымъ центромъ Россіи—Петербургомъ ни къ чему не вело. Одно, оно давало бы возможность замкнуть кольцо кон-тинентальной блокады, но въ то же время всѣ экономическіе ресурсы страны оставались бы въ рукахъ Александра, который могъ продолжать войну до безконечности. А это было бы еще одной изъ причинъ катастрофы; войну надо было кончить быстро, такъ какъ выносить одновременно двѣ такихъ болячки на своемъ тѣлѣ, какъ Россія и Испанія, французская Имперія не могла. По-пытка покончить съ Испаніей не удалась, поэтому надо было кончить съ Россіей какъ можно скорѣе. Для этого надо было ударить въ центръ экономической жизни Россіи, захватить въ свои руки узелъ тѣхъ рѣчныхъ дорогъ, которыя являлись тогда почти единственными грузовыми путями, отрѣ-зая Петербургъ отъ губерній, снабжающихъ его хлѣбомъ, и запереть Императора Александра въ столицѣ. Ставъ между Окой и Волгой, Наполеонъ достигалъ всѣхъ этихъ цѣлей, а поднять фран-цузское знамя на башняхъ московскаго Кремля, значило дополнить реальный успѣхъ однимъ изъ сценическихъ эффектовъ, которые Наполеонъ, какъ великій актеръ, такъ цѣнилъ, и безъ которыхъ никогда не обходилась его политика, отъ похода къ пирамидамъ въ Египтѣ до высадки въ Каннѣ, въ 1815 г. при его бѣгствѣ. Саморазложенія французскихъ войскъ онъ не предвидѣлъ, какъ и того, что въ Москвѣ не найдетъ ничего, кромѣ развалинъ. Это были случайности, къ которымъ Напо-леонъ не былъ готовъ и о которыхъ разбился весь его планъ. Но въ іюнѣ мѣсяцѣ 1812 года планъ этотъ казался вполне осуществимымъ; французскіе солдаты знали, что они идутъ въ Москву, а на-деждой прійти туда жила вся Наполеоновская армія.

Во время нахождения Императора Александра въ Дрисскомъ лагерѣ никакихъ крупныхъ со-бытій не произошло. „Только однажды, пишетъ гр. Беннигсенъ, генераль Орловъ-Денисовъ съ гвар-дейскими казаками напалъ на отрядъ непріятельскаго авангарда, взялъ въ плѣнъ нѣсколько чело-вѣкъ; въ числѣ плѣнныхъ оказался одинъ французскій бригадный генераль. По приказанію Госу-даря, Витгенштейнъ со своимъ корпусомъ остался въ окрестностяхъ Динабурга, чтобы прикрыть дорогу на Петербургъ. Во время нашего перехода отъ Дриссы къ Полоцку сраженій не было, такъ какъ непріятель не думалъ преслѣдовать насъ; за нами шелъ слѣдомъ только одинъ незначи-тельный корпусъ. При этихъ обстоятельствахъ присутствіе Императора Александра въ арміи было не столь нужно, какъ раньше; но оно было необходимо внутри имперіи для того, чтобы привести